

О.В. Павленко

**СССР И ФРГ В ГОДЫ РАЗРЯДКИ: ОТ ВЫНУЖДЕННОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ К ПРАГМАТИЧНОМУ ПАРТНЕРСТВУ**

Аннотация. Статья посвящена анализу отношений СССР и ФРГ в конце 1950 – первой половине 1970-х годов. Обе страны осознавали свою ответственность и необходимость стабилизации ситуации в Европе. Обе испытывали серьезные потребности в ресурсах друг друга, и одновременно обе проявляли глубокое недоверие друг к другу. Примерно до середины 1960-х годов груз нерешенных политических вопросов (статус Западного Берлина и признание ГДР) не давал возможности продвинуть прагматичные интересы на ту глубину, которая была необходима экономикам двух стран. Но движение навстречу друг другу уже началось.

Циклы взаимного притяжения сменялись отторжением и политическим похолоданием, но по инициативе деловых кругов СССР и ФРГ движение вперед развивалось. Смена внешнеполитического курса новой администрации США Ричарда Никсона стала важным фактором во взаимоотношениях между СССР и ФРГ. Восточная политика канцлера Вилли Брандта, равно как и политика разрядки Леонида Брежнева, создали новую экономическую и политическую реальность в Европе – реальность взаимовыгодного сотрудничества и преодоления на этой основе сложных политических проблем ради устойчивого развития Европы.

Ключевые слова: СССР; ФРГ; ГДР; экономическое сотрудничество; «газ в обмен на трубы».

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук,
профессор, первый проректор – проректор по научной работе,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Россия, Москва. E-mail: pavlenko@rggu.ru
Web of Science Researcher ID: C-7249-2014
Scopus Author ID: 57211158274

***Pavlenko O.V. The USSR and the FRG in the Détente Era: From Forced
Interaction to Pragmatic Partnership***

Abstract. The article analyses the relations between the USSR and the FRG at the end of the 1950s – the first half of the 1970s. Both countries were aware of their responsibility

for the stabilization of relations in Europe, both greatly needed each other's resources, both deeply distrusted each other. Up until the middle of the 1960s, the burden of unresolved political issues stemming above all from the status of West Berlin and the recognition of the GDR prevented their relations from developing in a way that the economies of both countries required. But their rapprochement has already begun, initiated by Chancellor Adenauer and later supported by Chancellor Ludwig Erhard and Chancellor Kurt Georg Kiesinger. As for the Soviet leadership, Moscow always expressed particular interest in this cooperation throughout all stages of its development.

The periods of mutual attraction gave way to rejection and political cold spells, but the relations between the Soviet and West German business circles, aware of their economic interests, continued to move forward. A change in the foreign policy of the new US Administration by Richard Nixon had a considerable impact on the new relations between the USSR and the FRG. The Ostpolitik of Federal Chancellor Willy Brandt, as well as Leonid Brezhnev's detente policy, created a new economic and political reality in Europe – the reality of mutually beneficial cooperation that enabled the parties to overcome complex political issues for the sake of sustainable growth of Europe.

Keywords: USSR; FRG; GDR; economic cooperation; «gas for pipes».

**Pavlenko Ol'ga Vjacheslavovna – Candidate of Historical Sciences,
Professor, first Vice rector – Vice rector on scientific work,
Russian State University for the Humanities (RGGU),
Russia, Moscow. E-mail: pavlenko@rggu.ru
Web of Science Researcher ID: C-7249-2014
Scopus Author ID: 57211158274**

На первый взгляд тема советско-германских отношений в эпоху разрядки достаточно хорошо исследована. Еще в советское время издательство «Международные отношения» опубликовало корпус государственно-правовых документов 1960–1970-х годов, которые регулировали экономическое, промышленное и техническое сотрудничество между СССР и ФРГ [Сборник 1967–1976].

Кроме официальных документов, были изданы мемуары политических лидеров и дипломатов, участвовавших в реализации советско-германского проекта взаимного сближения [Громько 1990; Громько 1990а; Абрасимов 1983; Фалин 1999; Брандт 1991]. Понятие «сближение» в этом случае имеет заданные пределы, поскольку каждая сторона сохраняла свои ценностные установки, не испытывая иллюзий относительно партнера. Москва и Бонн, преодолевая взаимное недоверие и предубежденность, делали осторожные шаги навстречу друг к другу, тщательно продумывая, где бы совпадали их интересы. «Сближение» как процесс было неравномерным, циклы притяжения сменялись охлаждением и торможением. В один узел тесно сплетались финансовые, энергетические, торгово-экономические, политические, военно-стратегические интересы.

Преодоление враждебности осуществлялось через конкретные проекты с четко выраженной мотивацией. Движение навстречу шло медленно, особенно в начале этого процесса, с немалыми трудностями, как внутренними, так и внешними. Сначала заработали торгово-экономические, энергетические и финансовые механизмы, а потом пришли в движение военно-стратегические, политические и культурные процессы. За годы разрядки начался прагматичный диалог между СССР и ФРГ, который позволил существенно стабилизировать ситуацию в Европе и мире в целом.

Неудивительно, что уникальный опыт разрядки привлекал внимание российских историков-германистов, которые внесли значительный вклад в ее изучение. Военно-стратегические аспекты подробно рассмотрены в исследованиях Н.В. Павлова и А.А. Новикова [Новиков, Павлов 2005; Павлов 2012]. Политические взаимоотношения между Москвой и Бонном, особенно фактор ГДР, представлены в работах А.И. Патрушева, А.Ю. Ватлина, Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова [Патрушев 2007; Ватлин 2002; История Германии 2008]. Особый интерес в российской историографии вызывает восточная политика ФРГ. В трудах А.М. Филитова комплексно исследуется весь спектр взаимодействия в треугольнике ФРГ – ГДР – СССР. В работах И.Ф. Максимычева раскрываются характеры и стиль политического лидерства Вилли Брандта и «раннего» Леонида Брежнева, специфика межличностных отношений советских и немецких политиков [Филитов 1993; Филитов 2017; Кремер 1986; Максимычев 2014, Максимычев 2014 а]. Если обобщить российские исследования, то можно выделить следующие тематические блоки, которые были детально изучены:

- этапы восточной политики и военно-стратегические интересы Кремля в урегулировании статус-кво в послевоенной Европе;
- «наведение мостов» между НАТО и Варшавским договором;
- создание правовой базы для Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ);
- особый статус Западного Берлина;
- германо-германская граница и взаимоотношения ФРГ и ГДР;
- польский фактор.

Таким образом, основные стратегические вопросы, составлявшие каркас восточной политики ФРГ и политики разрядки СССР, были достаточно рассмотрены в российской историографии. В научный оборот был введен массив советских дипломатических документов. Но остался еще значительный пласт источников в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), который позволяет не только дополнить общую картину, но и поставить ряд новых вопросов.

- Как закладывались механизмы двусторонних прямых связей между западногерманскими и советскими предприятиями?

– Какова была роль Ост-Вест Хандельсбанка во Франкфурте-на-Майне и филиала Госбанка СССР в ФРГ в развитии советско-германского партнерства?

– Как влияло энергетическое взаимодействие между Москвой и Бонном на политические процессы в Европе?

– Какое значение имели западногерманские кредиты для советской экономики и политики?

– Какую роль играли западногерманские профсоюзы в стабилизации отношений в треугольнике СССР–ФРГ–ГДР? Какие подходы существовали в Кремле по отношению к профсоюзному движению ФРГ? Почему оно занимало ведущее место в советском внешнеполитическом планировании?

– В какой степени влиял фактор США и американских санкций на качество и динамику прагматичного партнерства между СССР и ФРГ?

Список вопросов можно продолжить. Они свидетельствуют, насколько значительным было влияние экономики на политические процессы в Европе во второй половине 1960 – первой половине 1970-х годов. Но без политической воли с обеих сторон и готовности к поиску компромиссов, без гибких подходов, никакие, даже самые насущные, прагматичные задачи, не могли быть реализованы.

Попробуем найти ответы на поставленные вопросы в архивных коллекциях ГАРФ и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Но представленные версии ответов не могут быть полными, поскольку реконструировать многоплановую модель разрядки в отношениях СССР и ФРГ можно только с привлечением массива документов из всех российских и немецких архивов, кропотливой сверки данных архивных коллекций с опубликованными источниками.

Первый этап (конец 1950-х годов – 1965 г.): От недоверия и враждебности к пониманию необходимости сотрудничества

В 1950-х годах ФРГ находилась в центре столкновения интересов ведущих европейских держав и США, что существенно сужало возможности для выстраивания конструктивного диалога с СССР. Политический курс канцлера Аденауэра был направлен на укрепление западногерманской государственности и безопасности. Инструментами политики Аденауэра стали тесная интеграция в европейские структуры и союзнические отношения с США [Haftendorf 1983; Niedhart 2014]. Советское руководство относилось к этому курсу без иллюзий и ожиданий. В 1970 г. аналитики ЦК КПСС составили обзор отношений между СССР и ФРГ за десятилетний период. В нем выражалась официальная позиция Москвы к каждому из правительственных кабинетов и канцлеров ФРГ. Наиболее жесткие характеристики относились к 1950-м годам: «Аденауэровский курс вытекал главным образом из убеждения в том,

что Западная Германия всеми своими успехами (ликвидацией ограничений первых послевоенных лет, экономическим “чудом”, перевооружением и т. д.) обязана в первую очередь расколу антигитлеровской коалиции. Отсюда следовал элементарный вывод: чем хуже будут отношения между Востоком и Западом, тем больше США будут нуждаться в ФРГ и тем выше окажется влияние последней в НАТО и европейских сообществах. Любая разрядка международной напряженности в Европе встречалась Бонном с нескрываемой подозрительностью и враждебностью» [Международно-политические 1970].

Тем не менее уже с середины 1950-х годов К. Аденауэр начал постепенно, шаг за шагом выстраивать политику стабилизации отношений с СССР [Loth 2016; Филитов 1993]. Немалую роль в этом играли гуманитарные и экономические интересы. С одной стороны, важно было вернуть на родину немецких военнопленных, находившихся в советских трудовых лагерях. С другой стороны, крупные промышленные компании, такие как «Крупп», «Маннесманн», «Сименс» и другие, были заинтересованы в выходе на рынок СССР и стран Восточной Европы [Loth 2016]. Немалую роль сыграл Суэцкий кризис 1956 г., вызвавший резкие перебои с нефтяными поставками с Ближнего Востока. В политических кругах и бизнес-элите стран Западной Европы активно обсуждались идеи диверсификации энергетических поставок, а также велся поиск надежных и оптимальных путей их доставки. В 1962 г. впервые итальянский концерн «Eni» заключил контракт на поставку нефти с СССР.

В начале 1960-х годов развернулось масштабное строительство нефтепровода «Дружба» из Сибири в страны Восточной Европы. Москва планировала по низким ценам поставлять нефть и газ «братским странам социализма» – ГДР, Венгрии, Чехословакии, Польше и Болгарии. Но советских мощностей для производства стальных труб большого диаметра не хватало. В СССР было решено обратиться к крупным немецким концернам.

Торговый договор между СССР и ФРГ был заключен в 1958 г. Он имел важное значение как первый послевоенный договор, который существенно оживил экономические контакты [Ахтамзян 2010]. Крупные немецкие концерны были чрезвычайно заинтересованы в поставках труб в СССР. Впервые были заключены многомиллионные контракты с «Mannesmann», «Phoenix-Rheinruhr», «Krupp», «IG Farben», «Siemens», «Thyssen» и др. Но вмешалась политика. Острые дипломатические дискуссии вокруг статуса Западного Берлина, по сути, «заморозили» этот масштабный проект. В отношениях между Москвой и Бонном наступила «беспросветная зима». Промышленная выставка Германии в Москве, которая должна была дать импульс двусторонним экономическим отношениям, была отменена.

США заняли жесткую позицию и выступили с антисоветскими санкциями. В частности, было наложено эмбарго на поставку труб в СССР. Западно-

германское правительство, верное союзническим обязательствам, в 1963 г. вынудило концерны Рурского региона разорвать контракты с советскими внешнеторговыми организациями. Вышел большой скандал. Немецкие гиганты отказались от поставок 130 тыс. т стальных труб большого диаметра вместе с оборудованием, потеряв сотни миллионов марок [Истягин 2002]. Они добились обсуждения этого вопроса в бундестаге. Такие кампании, как «Salzgitter AG», «IG Farben», «Siemens», «Haniel», «Thyssen», «Hoechst», AEG, выражали серьезное недовольство негибким курсом правящей коалиции ХДС / ХСС.

В СССР в ускоренном темпе было запущено производство труб на Челябинском трубопрокатном заводе. Но энергетический проект СССР – Западная Европа, несмотря на временные осложнения, не был отложен. Более того, ситуация с эмбарго 1963 г. стала импульсом к формированию нового уровня взаимоотношений между СССР и ФРГ. Крупные индустриальные гиганты ФРГ не потеряли интерес к устойчивым поставкам советского газа и нефти и выходу на емкий промышленный рынок СССР [Ахтамзян 2010, с. 121]. Оставалось совсем немного, чтобы расширить инфраструктуру энергетических поставок из СССР в страны Западной Европы. Постепенно немецким концернам удалось возобновить контракты и ослабить правительственный запрет на поставку в СССР труб и оборудования.

Важным достижением этого первого периода, чреватого острыми осложнениями, было создание правового фундамента для двусторонних экономических отношений. Соглашение по общим вопросам торговли и мореплавания от 25 апреля 1958 г., а также ряд соглашений о товарообороте и платежах 1958–1960 гг. и 1961–1963 гг. устанавливали перечни товаров для взаимных поставок. Это был первый эффективный инструмент для регулирования правовых торговых отношений. С 1964 г. оба государства стали вести торговлю без взаимных списков, что свидетельствовало о повышении уровня доверия и взаимной заинтересованности [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620. Л. 81].

В российской историографии сложилось мнение, что на первом этапе удалось несколько ослабить напряженность в отношениях между обеими странами, но кардинально изменить ситуацию было невозможно из-за скептической позиции правого крыла ХДС [Филитов 1993]. В то же время не стоит недооценивать этот период. Ведь по инициативе К. Аденауэра все-таки произошел прорыв в отношениях СССР и ФРГ, отягощенных памятью о войне и жестком противостоянии Москвы и Вашингтона в первое послевоенное десятилетие. Пусть это были только первые инициативы, которые пробивали дорогу с большими сложностями, но именно они постепенно изменяли климат во взаимоотношениях между двумя государствами – от «беспросветной зимы» к небольшому потеплению. Ведь самое сложное – начать новое дело,

запустить механизм взаимодействия в неблагоприятных геополитических условиях.

Стоит особо отметить, что на начальном этапе стали формироваться новые формы общественных коммуникаций. Роль западногерманских профсоюзов в процессе разрядки пока еще слабо изучена. Между тем Объединение немецких профсоюзов (далее: ОНП) стало своеобразным центром, где вырабатывались различные общественные инициативы по нормализации отношений между Востоком и Западом. В 1963 г. были организованы первые поездки молодежных профсоюзных групп ФРГ по местам бывших нацистских лагерей смерти в Польше и Чехословакии. Когда Н.С. Хрущёв пригласил делегацию западногерманских профсоюзов, руководитель ОНП Л. Розенберг принял приглашение [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 161]. Но он вежливо отказался от предложения советской стороны установить личные контакты с руководством посольства СССР и советскими лидерами из опасения «подвергнуться нападкам со всех сторон» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 93].

Эти опасения не были лишены оснований. Международная конференция свободных профсоюзов (далее: МКСП), тесно связанная с Госдепом США, запретила профсоюзам стран Западной Европы контакты с социалистическими странами. Шаг навстречу представителям Восточного блока расценивался как серьезное нарушение. Тем не менее профсоюз служащих государственных учреждений транспорта и связи ФРГ поддерживал контакты с соответствующим профсоюзом [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 120].

Советские дипломатические и партийные документы за 1963–1964 гг. свидетельствуют, что именно профсоюзному движению ФРГ в этот период стало уделяться пристальное внимание. Его расценивали как «важную политическую силу, оказывающую большое влияние на экономическую и общественную жизнь ФРГ» и объединяющую свыше 6,5 млн трудящихся. Тот факт, что «подавляющее большинство руководителей ОНП является социал-демократами» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 168], только прибавлял значимость в глазах советских руководителей. В приведенной ниже таблице, составленной советскими аналитиками, представлен состав правления ОНП. В ней выделены отдельные графы о количестве членов СДПГ и ХДС, а также депутатов бундестага. Такой подход свидетельствует о том, что для Москвы наиболее желательными партнерами для диалога были немецкие социал-демократы, особенно, если учесть скептическое отношение к позиции ХДС на восточноевропейском направлении. Профсоюзы рассматривались как важный политический инструмент СДПГ [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 154].

В начале 1964 г. ОНП приступила к разработке проекта сотрудничества с профсоюзами социалистических стран [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 92]. Через несколько месяцев профсоюзные организации получили разрешение от

ОНП вступать в контакты с делегациями социалистических стран, приезжающими в ФРГ, а также с аккредитованными в Бонне дипломатическими представительствами этих стран. Такой шаг можно, на мой взгляд, расценивать как ответ западногерманских профсоюзов на американские санкции 1963 г. Впервые сотрудники посольства СССР были приглашены выступить в профсоюзных аудиториях с докладами о внешней политике и образовании в Советском Союзе [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 161].

В феврале 1965 г. председатель профсоюза служащих государственных учреждений, транспорта и связи ФРГ Клункер посетил посольство СССР в ФРГ, а затем выступил по западногерманскому телевидению и высказался за развитие контактов с социалистическими странами [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 160].

Однако не стоит преувеличивать эти общественные инициативы, которые создавали траектории будущего сближения, но имели ограниченный характер. В «Программе действий» ОНП за 1965 г. нашлись лишь общие слова о необходимости «взаимопонимания между профсоюзами ФРГ и социалистических стран» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 142]. Дальше благожелательных высказываний, ряда встреч, лекций, отдельных общих мероприятий западногерманские профсоюзы были не готовы идти. Отчасти подобные акции имели демонстративный характер и применялись для давления в переговорах с работодателями. Но политическое переосмысление отношений Восток – Запад в недрах социал-демократии началось. Бреши в стене отчуждения между СССР и ФРГ были пробиты. Энергетические, торгово-экономические и общественные интересы стали осознаваться на уровне элит, бизнес-кругов и общественных активистов. Механизм взаимного притяжения был запущен, хоть и на малых оборотах.

В то же время сохранялся негативный фон во взаимном восприятии друг друга, особенно на политическом уровне. Так, к примеру, в донесении советника-посланника посольства СССР в ФРГ С. Кудрявцева проводилась мысль, что «восточная политика» правительства ФРГ осуществляется с целью «раскола единого фронта социалистических стран, изоляции ГДР и создания тем самым благоприятных предпосылок для переговоров с Советским Союзом по германскому вопросу» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 669, л. 205]. Такой вывод делался на основе анализа ведущих западногерманских газет, активно обсуждавших, какие изменения должны быть во внешнеполитическом курсе. Позиция Бонна, по мнению советского посольства, состояла в том, что «ФРГ не должна отказываться от прямых контактов с Советским Союзом, поскольку это может дать правительству Эрхарда определенный политический и пропагандистский выигрыш» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 669, л. 205].

Второй этап: 1966–1969 гг. Коалиция ХДС / ХСС – СДПГ. Канцлер К.-Г. Кизингер

Второй этап прошел в чрезвычайном напряжении. По какой траектории будут развиваться двусторонние отношения между Москвой и Бонном? Многие определялось именно в это время. Воронка конфронтации продолжала закручиваться вокруг статуса Западного Берлина и признания ГДР. В нее втягивались СССР и США. Германско-германские переговоры приобретали общеевропейский масштаб. Без взаимного признания послевоенного статус-кво невозможно было продвигаться по пути создания системы коллективной безопасности. Кубинский кризис, ставший глобальным геополитическим потрясением для двух сверхдержав, заострил вопрос о стабилизации мирового порядка. Европейская политика каждой из них упиралась в тупик ФРГ – ГДР – Западный Берлин.

При этом в конце 1960-х годов в общественных настроениях доминировала левая альтернатива. Пацифистские марши, молодежные революции, поиски социализма с человеческим лицом, мощные антивоенные движения и выступления за запрет испытаний ядерного оружия волнами прокатывались по многим странам мира. Перед правительствами вставал мощный общественный запрос на нормализацию отношений Восток – Запад.

Не менее важным фактором, напрямую оказавшим влияние на двусторонние отношения между СССР и ФРГ, стал энергетический проект. Важно проследить, до какой степени экономические интересы помогали преодолевать политические конфронтации, нередко возникавшие между Москвой и Бонном в этот чрезвычайно напряженный отрезок времени.

Весной 1966 г. христианско-демократическое правительство Эрхарда впервые предложило СССР договор о взаимном отказе от применения силы, но с условием не затрагивать вопросы о границе и статусе ГДР. Следующим шагом стало провозглашение «новой восточной политики» правительством «большой коалиции» К.-Г. Кизингера – В. Брандта. В Москве позитивно восприняли эти инициативы, но скептически относились к блоку ХДС / ХСС, предпочитая социал-демократов: «Новые руководители ФРГ были свободны от того груза иллюзий и ошибок, которые определяли политику старого христианско-демократического руководства. Они лучше понимали реальное положение вещей, сумели создать себе (и не без основания) репутацию более гибких политиков» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 569, л. 104 об.].

Но наиболее активно в эти годы развивались контакты с западногерманскими профсоюзами [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 147–148]. Хотя и на этом направлении продолжали сохраняться различные сдержки и противовесы. Заведующий отделом прессы профсоюза металлистов ФРГ В. Тённесен в беседе с представителем советского посольства заявил, что «профсоюз ме-

таллистов не может в настоящих условиях проявлять инициативу в установлении контактов с советскими профсоюзами. Нас и так считают здесь слишком левыми» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 131]. Для Москвы было особенно важным продвинуть зарубежные контакты Объединения свободных немецких профсоюзов ГДР. Международная конфедерация свободных профсоюзов проявляла к восточным немцам особый подход. За въездными визами в капиталистические страны они должны были обращаться с Союзническое бюро путешествий в Западном Берлине, что воспринималось как политический ущерб престижу ГДР [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 813, л. 83–84]. Неудивительно, что предпочтение в поездках отдавалось нейтральным государствам – прежде всего Финляндии и Австрии.

Профсоюзное направление в европейской политике находилось под контролем советских руководителей. Особое внимание уделялось лидерам профсоюзов ФРГ. Для них организовывались ознакомительные поездки по СССР. С ними проводились регулярные встречи дипломатов из посольства СССР в Бонне. Во время визитов профсоюзных лидеров в СССР с ними встречались высокопоставленные государственные деятели. Информация обо всех личных контактах поступала к А.Н. Шелепину.

Он возглавлял КГБ в 1958–1961 гг., затем был назначен заместителем Председателя правительства и Председателем Комитета партийно-государственного контроля. Стоял во главе заговора против Хрущёва и представлял мощную консервативную фракцию внутри ЦК КПСС. Но слишком сильное влияние и личные амбиции сделали его одним из наиболее серьезных конкурентов Л.И. Брежнева. В 1965 г. Шелепин был смещен с высоких постов, но сохранил позицию члена Политбюро. По мере усиления Брежнева круг сторонников Шелепина был оттеснен от влиятельных позиций. В 1967 г. был смещен с поста Председателя КГБ его близкий друг Семичастный. Сам В.Е. Шелепин был назначен на пост главы ВЦСПС – Центрального органа профсоюзов, осуществлявшего все руководство профсоюзными организациями в СССР, который и занимал до 1975 г. Этот пост имел второстепенное значение в советской партийно-государственной иерархии. Но под влиянием идей разрядки контакты с европейскими, и прежде всего западногерманскими, профсоюзами, играли важную роль. Сам Шелепин скептически относился к политике разрядки, но лично координировал зарубежные профсоюзные контакты.

Приведем только некоторые факты, которые показывают, насколько советская сторона была заинтересована в интенсивных профсоюзных коммуникациях. В мае 1968 г. представители Немецкого общества по охране труда ФРГ посетили Москву, Ленинград, Тбилиси, Сочи. Членам делегации «был оказан теплый прием и даны исчерпывающие разъяснения по вопросу охраны труда» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–1, л. 1]. В мае-июне 1968 г. в СССР

принимали делегацию профсоюза рабочих химической, бумажной и керамической промышленности ФРГ. В июле 1968 г. СССР посетила делегация профсоюза железнодорожников ФРГ. Председатель профсоюза Ф. Зайберт был членом СДПГ и депутатом бундестага [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–2, л. 12]. В беседе с секретарем ВЦСПС П.Т. Пименовым Зайберт отметил, что налаживание контактов «будет тем легче, чем скорее обе стороны согласятся в том, что существуют две системы, одна из них не будет хотеть “съесть” другую, и они обе будут бороться на благо трудящихся» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–5, л. 23].

Нередко подобные поездки принимали туристический характер. Радушные хозяева устраивали для гостей различные интересные праздничные мероприятия, интересовались их мнением по текущим вопросам политики ФРГ. Чтобы не потерять рабочий смысл этих встреч, от немецкой стороны было выдвинуто предложение о проведении «двусторонних встреч-семинаров профсоюзных работников по различным вопросам, например о функциях профсоюзов в СССР и в ФРГ и т.п.» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–21, л. 137].

Советское руководство, особенно весной-летом 1968 г., активно развивало контакты с профсоюзами ФРГ. В беседах с руководителями ОНП предлагалось выстраивать взаимоотношения на местном уровне (заводы с заводами, области с областями), для того чтобы обсуждать чисто профессиональные вопросы – социального страхования, охраны труда, коллективных договоров.

Но западные немцы с большой осторожностью относились к подобным советским инициативам. Так, председатель ОНП Л. Розенберг откровенно говорил о природе недоверия между двумя странами. По его мнению, советское недоверие «возникло в период нацизма. Наше же недоверие (я не говорю о ОНП) основывается на опасении (я его не разделяю), что идеология одной страны будет перенесена в другую страну <...> И это страшит американцев. Мне кажется наивным думать, что если ты разговариваешь с кем-то, то теряешь свое убеждение, тогда это не убеждение» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–15, л. 60]. Шелепин в беседе с Розенбергом уверял: «Мы не хотим вбивать клин в ваши отношения с американцами. Мы не ставим своей целью портить ваши отношения, и вы не ставите перед собой цели вбивать клин между нами и ГДР» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–15, л. 61].

Этот разговор между двумя высокопоставленными чиновниками важен для понимания специфики взаимоотношений СССР и ФРГ. В Москве полностью отдавали отчет в том, что германская политика делалась в Вашингтоне. Это особенно ярко проявилось на следующем этапе, когда президентом США стал Ричард Никсон, а к власти в ФРГ пришел В. Брандт. Важно, что лидер профсоюзов Л. Розенберг четко обозначил условия, при которых возможно и желательно партнерство между объединениями трудящихся разных отраслей. С советской стороны не должно быть политического и идеологического дав-

ления, а также действий антиамериканского характера. В ответ Шелепин не менее четко оговорил советские условия. Если правительство ФРГ не будет пытаться воздействовать разными путями на граждан ГДР. По сути, это была формула взаимного компромисса.

Пражская весна 1968 г. и ее влияние на советско-западногерманские отношения

Политический кризис в Чехословакии и военные меры со стороны стран Варшавского договора не являются темой данного исследования. Нас будут интересовать только два вопроса. Во-первых, как повлиял чехословацкий кризис на взаимоотношения СССР с профсоюзами ФРГ? Во-вторых, какую роль он сыграл в трехсторонних отношениях ФРГ – СССР – США?

Как только началась военная операция по вторжению в Чехословакию, в ФРГ сразу вспыхнула жесткая антисоветская и антикоммунистическая кампания. Уже 28 августа 1968 г. руководство ОНП приняло решение приостановить контакты с профсоюзами СССР и других социалистических стран. Не все профсоюзы были согласны с такой категоричной позицией. Председатель профсоюза печатников Маляйн призывал к более осторожному и взвешенному решению и продолжению контактов с профсоюзами соцстран [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 7, 49]. На конгрессе профсоюза печатников в октябре 1968 г. единогласно была принята резолюция, требующая продолжения контактов с профсоюзами социалистических стран [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 5–6]. Советские дипломаты сообщали, что решением ОНП о замораживании восточноевропейских контактов «очень не доволен председатель СДПГ Брандт, который и сейчас рассматривает эти контакты как одно из важнейших средств проведения его “восточного курса”» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 20].

Но мнения в профсоюзном движении ФРГ разделились. Профсоюзы Гамбурга видели в чехословацком социализме образец, к которому они стремились в будущем привести и свою страну [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 32]. По словам их лидера Я. Зиркса, «после 21 августа примером для них в этом отношении остается Югославия» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 32]. Но одновременно Зиркс выразил свою уверенность, что в будущем будут установлены самые широкие контакты с СССР [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 32].

Профсоюз металлистов публично и резко высказался против контактов и осудил СССР и страны Восточного блока [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 16]. На следующий конгресс ОНП в мае 1969 г. делегация ВЦСПС не была приглашена. Но на заседание руководства профсоюза общественного обслуживания приглашение представителям СССР и других социалистических

стран все же было послано. Причем разрешение было дано правлением ОНП [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 23].

Ситуация разрешилась очень скоро. Уже на 8-м Конгрессе Объединения немецких профсоюзов ФРГ (Мюнхен, 18–23 мая 1969 г.) значительным большинством голосов была принята резолюция о возобновлении контактов с Советским Союзом и другими социалистическими странами (за исключением ГДР). Конгресс обязал центральное правление ОНП «продолжать расширять эти контакты, несмотря на резко осужденное нами занятие ЧССР» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 53]. Лишь председатель профсоюза металлистов ФРГ О. Бреннер выступил против, но его не поддержала даже часть собственной делегации.

Столь короткая пауза, вызванная реакцией на подавление Пражской весны, свидетельствует о том, что социал-демократы четко взяли курс на нормализацию отношений с СССР. Чехословацкий кризис разразился как раз в то время, когда у западных держав складывался прагматичный подход к нормализации отношений с Восточным блоком. Накопилось достаточно много политических, военно-стратегических и экономических причин, чтобы лидеры Запада и Востока пришли к пониманию, что дальнейшая конфронтация будет поражением для всех.

Прежде всего это общее представление о необходимости разрядки сложилось в Вашингтоне и Москве. Берлинские переговоры проводились в основном четырехсторонней группой – послами США, Франции, Великобритании и Советского Союза в Германии. Но к концу 1968 г. переговоры зашли в тупик. После избрания президента Никсона в 1968 г. и его инаугурации 20 января 1969 г. генералом Эндрю Гудпастером была разработана система межведомственных групп на уровне помощников министров по разным направлениям. Все материалы передавались Главной группе анализа, созданной под руководством нового госсекретаря Генри Киссинджера. Она превратилась в мозговой центр проекта разрядки. Как только американцы предложили Москве создать канал прямой неформальной связи, сразу поступил положительный ответ. С февраля 1969 г. начал функционировать канал «посол СССР в США А.Ф. Добрынин – Г. Киссинджер». Опубликованные записи их бесед, встречи с президентом Никсоном и Генеральным секретарем Брежневым, разработанные их аппаратами памятки для бесед, записки по текущим международным делам, которые они готовили для своих лидеров, – весь комплекс этих дипломатических документов убеждают нас в том, что канал прямой связи между Белым домом и Кремлем и был «мотором», приводящим в движение все механизмы разрядки [Советско-американские отношения 2007].

Обращает особое внимание, что во всех этих материалах, начиная с 4 февраля 1969 г. тема Чехословакии намеренно не поднималась. Никсон считал, что «переговоры и поиск согласия – это бремя, и советские руководители не

меньше, чем мы, должны быть готовы его нести» [Советско-американские отношения 2007, с. 4]. Для американцев было особенно важным, чтобы СССР оказал влияние на Ханой и помог завершить вьетнамскую войну так, чтобы «не допустить унижения Сайгона или себя». Продвинуть парижские договоры к «почетному для всех заинтересованных сторон миру» было сверхзадачей для президента Никсона [Советско-американские отношения 2007, с. 9]. США бурлили от антивоенных демонстраций. Вьетнамский фактор значительно перевешивал чехословацкий кризис.

С февраля 1969 г. в записях бесед посла Добрынина с президентом Р. Никсоном постоянно проводится мысль о «совместном конструктивном диалоге». Особое значение придавалось поддержанию открытых каналов для обмена мнениями – официально-дипломатическим и конфиденциально-доверительным. С этого времени наряду с проблемой вьетнамского урегулирования, договором об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) и договором об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), ситуацией на Ближнем Востоке постоянно обсуждалась тема ФРГ – ГДР – Западный Берлин в контексте европейской политики.

Когда Москва была возмущена решением правительства ФРГ проводить выборы на территории Западного Берлина, реакция Вашингтона была примирительной. Накануне своей первой европейской поездки и посещения Западного Берлина Никсон заверил советскую сторону, что «не даст ситуации слишком воспламениться» [Советско-американские отношения 2007, с. 15].

Важно обратить внимание на формулу компромисса, которую предложил президент Р. Никсон. Ее передал Г. Киссинджер в беседе с А.Ф. Добрыниным: «Он, президент, хотел бы заверить советское правительство, что он, например, совсем не собирается вмешиваться в дела Восточной Европы. “Вы от нас не услышите никаких заявлений о необходимости “освобождения” Восточной Европы от Советского Союза и мы, видимо, бросим употреблять даже такие выражения, как “строительство мостов”, так как мы понимаем реальную обстановку <...> Мы не собираемся поднимать военную истерию в Западной Европе против Советского Союза, не собираемся подталкивать враждебные настроения среди западноевропейцев по отношению к вам”».

Никсон предлагал вернуться к опыту 1959–1963 гг., «когда правительства СССР и США обсуждали комплекс германских дел, в отношении некоторых важных вопросов мы были недалеко друг от друга». Однако принять советскую формулу по статусу Западного Берлина как «свободного города» американцы не были готовы [Советско-американские отношения 2007, с. 28]. Тема политических переговоров в треугольнике СССР – США – ФРГ выходит за рамки нашего исследования. Но этот сюжет представляется очень важным для понимания внутренних раскладов и настроений за кулисами официального переговорного процесса.

Политические трения не помешали активному развитию экономических отношений между СССР и ФРГ. Несмотря на решение стран НАТО о санкциях против СССР в связи с чехословацким кризисом (отказ от участия в торговых ярмарках; сокращение кредитов; заморозка гуманитарных проектов), мало кто из союзников обнаружил готовность уменьшить торговые и культурные контакты. Осенью 1968 г. отказались от участия в Пловдивской ярмарке только США и Греция. На Генеральной ассамблее ООН 8 октября 1968 г. состоялась встреча министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и В. Брандта, где они договорились возобновить сотрудничество.

1967–1968 гг. стали своеобразным рубежом в развитии советского энергетического проекта для стран Западной Европы, проявлявших в нем большую заинтересованность. 1 июня 1968 г. советское объединение «Союзнефтеэкспорт» и австрийская компания ÖMV подписали договор на поставку природного газа. Немецкая компания «Тиссен» сыграла посредническую роль для запуска экспорта советского газа в Австрию через Триест. Она участвовала в поставках 42 дюймовых труб высокого давления в СССР, а австрийская фирма «Фест» выступила в роли субподрядчика [Смирнов 2011].

На очереди были поставки газа в Италию. Тогда же был запущен переговорный процесс по поставкам труб из ФРГ в СССР в обмен на поставки сибирского газа. На промышленной выставке в 1969 г. в Ганновере министр внешней торговли СССР Николай Патоличев встретился с министром экономики Германии Карлом Шиллером. Они обсудили предложение о строительстве нового трубопровода из СССР в Западную Германию. Эти договоренности открыли цикл встреч в Вене, Кёльне и Эссене по подготовке масштабного договора о сотрудничестве.

III этап: 1969–1974 гг. Коалиция СДПГ–СвДП. Канцлер В. Брандт

После победы социал-демократов во главе с В. Брандтом на парламентских выборах в сентябре 1969 г. аналитики ЦК КПСС считали, что «придется столкнуться с более изощренными тактическими средствами со стороны Бонна в расшатывании общего фронта стран Варшавского договора и все большего втягивания ГДР в экономическую, а затем и политическую орбиту ФРГ» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 7]. Несмотря на эти опасения, Москва поддерживала инициативы по нормализации отношений в Европе. Хотя советские дипломаты указывали в своих донесениях, что левое правительство – неустойчивое из-за проблем, «затрагивающих материальное положение» трудящихся [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 500, л. 25].

В архивных фондах РГАНИ содержатся документы, в которых отражен целый спектр оценок и прогнозов относительно восточной политики нового

правительства ФРГ. Политбюро ЦК КПСС, аппарат ЦК КПСС, МИД, КГБ проявляли пристальное внимание к политическим настроениям в западно-германской элите [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 8–9; Ф. 5. оп. 62. Д. 567, л. 72; Д. 568, л. 19]. Можно выделить несколько позиций, которые были разработаны в отношении нового внешнеполитического курса ФРГ:

(1) социал-демократы выступают за нормализацию отношений с СССР, ГДР и социалистическими странами; они не настаивают на принадлежности Западного Берлина к ФРГ и изменении послевоенного статус-кво в Европе;

(2) новое правительство сохраняет преемственность в союзничестве с США и НАТО, отстаивает идею объединения Германии на принципе самоопределения немцев. Но советские аналитики сходились в том, что правительство В. Брандта стремится ослабить зависимость ФРГ от Вашингтона и упрочить в Европе свои политические и экономические интересы. Для социал-демократов, как считали в Москве, важно было исключить ситуацию, когда США и СССР могут договориться между собой «за спиной и за счет ФРГ». Соответственно, правительство ФРГ более склонно к признанию реальностей и установлению добрососедских отношений с СССР. Тем более что ФРГ превратилась в «экономического гиганта», занимая второе и третье места в капиталистическом мире, но оставалась «политическим карликом» даже в европейских делах. По мнению советских аналитиков, социал-демократы стремились вывести страну на уровень великой державы в Европе, поэтому продвигали идею добрососедства как новое слово в мировой политике;

(3) позиция В. Брандта об «особых» отношениях с ГДР вызывала серьезные подозрения в советском руководстве, которое настаивало на заключении германо-германского соглашения по общепризнанным принципам международного права, включая неприкосновенность границ и мирного разрешения всех спорных вопросов. Как выразился министр иностранных дел СССР А.А. Громыко в переговорах со статс-секретарем ФРГ Э. Баром, «нельзя уступать то, что не имеешь», необходимо всего лишь «признать существующую реальность» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 685, л. 8]. Эта линия была определяющей – правительство В. Брандта стремилось решить вопрос о границах с ГДР и Польшей и начать взаимодействовать со своими восточноевропейскими соседями. В Москве были убеждены: новое правительство ФРГ осознало, чтобы «прорваться» в восточноевропейские страны, необходимо сначала наладить переговорный процесс с СССР [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 685, л. 2].

Политическая логика сводилась к необходимости пересмотра стратегии Советского Союза в германском вопросе, чтобы использовать новые открывшиеся возможности [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 8]. Но высокая степень подозрительности и недоверия к восточной политике ФРГ сохранялась. Не исключалось, что в ней были заложены элементы, направленные на «разобщение социалистических стран, на расшатывание социалистических по-

рядков в Германской Демократической Республике» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 8].

Руководитель информационного центра Западного Берлина Курц в беседе с третьим секретарем Посольства СССР в ГДР Р.И. Тавгенем доверительно сообщил, что на закрытом совещании им давались рекомендации: «представителям ГДР необходимо постоянно напоминать о том, что торговля и экономическое сотрудничество ГДР с Советским Союзом и другими социалистическими странами невыгодны и наносят лишь ей ущерб» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 415, л. 216]. По его мнению, «правительство ФРГ будет проводить политику экономического проникновения в ГДР постепенно: с большой осторожностью, не забывая о том, что Советский Союз не допустит создания “новой Чехословакии” на территории ГДР» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 415, л. 216].

Конечно, советская сторона не питала иллюзий относительно дружелюбия западногерманской политики. Но в Москве и Бонне четко осознавали, что для стабилизации политических отношений в Европе необходимо преодолеть неопределенность и выстроить переговорный процесс на новых принципах взаимной заинтересованности. Эти две противоположные тенденции нашли отражение в установке, разработанной ЦК КПСС: «В целом программа деятельности нового правительства ФРГ и его первые практические шаги не дают оснований для вывода о том, что происходят радикальные изменения в западногерманской позиции по коренным вопросам, интересующим Советский Союз и другие социалистические страны. Если такие изменения и произойдут в дальнейшем, они будут результатом острой борьбы внутри правящего лагеря ФРГ и определенного нажима с нашей стороны, соответствующего отпора попыткам Брандта обойти острые вопросы с помощью тактических уловок» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 9].

Важно отметить, что на этом этапе все три стороны – СССР, ФРГ и США – были готовы к поиску компромиссов, чтобы реализовать идею международной безопасности и стабильности и создать условия для выгодного экономического партнерства. Об этом говорил министр иностранных дел СССР А.А. Громыко: «Те правительства, которые стоят за мир и широкое международное сотрудничество, должны не опасаться, а приветствовать возможную договоренность между нами» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 686, л. 17–18, Павлов 2019]. Эти же идеи нашли отражение в советских государственно-партийных документах: «Главными спорными вопросами, препятствующими достижению соглашения с ФРГ, как известно, являются вопросы о международно-правовом признании ГДР и о признании нейтрального (или особого) статуса Западного Берлина. Внешнеполитические интересы Советского Союза, социалистического содружества и интересы европейской безопасности вполне допускают, чтобы и по этим вопросам был достигнут компромисс» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 21]. Советские лидеры осознавали, насколько

сложно будет В. Брандту провести межпартийные согласования по восточной политике. А.А. Громыко в беседе со статс-секретарем Э. Баром открыто признавал: «Положение в Германии нелогично, ненормально. Других примеров подобного положения в истории не было, да и проблем, с которыми нам приходится сейчас сталкиваться, в прошлом в истории также не было» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 685, л. 20].

Развивая диалог с СССР, канцлер Брандт возлагал немалые надежды на ОНП, которая действовала в точном соответствии с указаниями руководства СДПГ. Лавируя между жесткой позицией европейских союзников ФРГ – Великобритании и Франции, и находясь в постоянном контакте по «германским проблемам» с Белым домом, В. Брандт взаимодействовал с советской стороной не только по чисто дипломатическим каналам, но и через профсоюзных лидеров. ОНП и СДПГ, тесно связанные между собой структуры, были жизненно заинтересованы в том, чтобы правительство социал-демократов оставалось как можно дольше у власти. Профсоюзы рассчитывали реализовать свои требования через правительство СДПГ–СвДП, хотя формально подчеркивали свою независимость от политики [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 500, л. 1; Д. 496, л. 102].

В этот период профсоюзы ФРГ проявляли высокую активность по всем политическим и экономическим вопросам германского урегулирования. По сути, появился новый канал неформального общения между посольством СССР в ФРГ и западногерманскими профсоюзами, через который передавались и согласовывались позиции сторон по признанию ГДР, статусу Западного Берлина и др.

Не затрагивая политические и военно-стратегические вопросы, которые на рубеже 1960–1970-х годов играли особую роль, сосредоточим внимание на экономических, финансовых и энергетических аспектах советско-германского партнерства.

Московский договор 1970 г. как основа долговременного партнерства СССР и ФРГ: pro et contra

В 1970 г. доля СССР во внешней торговле ФРГ составляла около 1%. По данным западногерманской внешнеторговой статистики, в 1970 г. удельный вес СССР в импорте в ФРГ нефти составлял 4%, дизельного топлива – 10, никеля – 16, апатитового концентрата – 35, хвойных материалов – 11, хромовой руды – 34, подсолнечного масла – 41, крабовых консервов – 68% [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 83]. Максимальная доля в общем экспорте ФРГ в СССР приходилась на трубы большого диаметра – 71%. Помимо труб, импорт из ФРГ включал металлорежущие станки, прокатное и литейное оборудование для химической, целлюлозно-бумажной, полиграфической, хими-

ко-фармацевтической и других отраслей промышленности, приборы, прокат черных металлов, химические продукты, синтетический каучук, а также промышленные товары народного потребления и полуфабрикаты для их производства [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 83]. Но поставок высокотехнологического оборудования не хватало для огромных объемов советской промышленности – прецизионные шлифовальные станки составляли 10%, комплектное оборудование для деревообрабатывающей промышленности – 14% и т.д. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 84].

Развитие транспортной инфраструктуры газопроводов «Дружба» и «Дружба-2», увеличение спроса на советскую нефть и газ в Западной Европе только усиливали постоянную потребность в поставках труб большого диаметра. Бурное развитие газовой промышленности в СССР также требовало расширения закупки труб и оборудования не только для энергетического экспорта, но и для всей структуры трубопроводов на советской территории. Собственных трубопрокатных мощностей у СССР для столь масштабных проектов не хватало.

Министр иностранных дел ФРГ В. Шеель в беседе с А.А. Громыко по вопросу торговли с СССР констатировал, что «увеличение объема товарооборота между нашими странами в значительной степени зависит от предложений со стороны Советского Союза. Примером в этом отношении служит сделка по газу, которая расширяет объем торговли между СССР и ФРГ. В области потребления газа возможности ФРГ фактически не ограничены. К сожалению, возможности Советского Союза в области поставок газа и особенно нефти не столь велики. Сделки, подобные сделке по газу, мыслимы только при проведении долгосрочной торговой политики, а такую политику можно осуществлять лишь на гарантированной политической основе» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 686, л. 78–79].

Формула «газ в обмен на трубы» на тот момент устраивала обе стороны. В 1970 г. перед Министерством внешней торговли и Министерством газовой промышленности была поставлена задача закупить до 1975 г. дополнительно 1,7–1,8 млн т труб и необходимое оборудование на условиях западногерманского кредита с погашением его выручкой от поставок сибирского газа в ФРГ [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 387, л. 56]. Энергетический проект дал мощный импульс подготовке Московского договора [Ахтамзян 2010; Мёкли 2009; Крылов 2002].

Договор был подписан 1 февраля 1970 г. в Эссексе в конференц-зале отеля «Кайзерхоф» министром экономики ФРГ Карл Шиллером и советским министром внешней торговли Николаем Патоличевым. Он включал несколько масштабных сделок между советскими и западногерманскими концернами, нацеленными на долговременное и взаимовыгодное сотрудничество:

– договор на поставку 1,2 млн т труб на общую сумму 1,2 млрд марок. В сделке участвовали внешнеторговое объединение «Промсырьеимпорт» и концерн «Маннесманн»;

– договор на закупку 52 млрд м³ газа общей стоимостью 2,5 млрд марок, с расчетом на 20 лет. В сделке были задействованы внешнеторговое объединение «Союзнефтеэкспорт» и концерн «Рургаз АГ»;

– договор на кредит в объеме 1,2 млрд марок, с расчетом на десять лет. В сделке были задействованы Внешторгбанк и консорциум банков Германии во главе с Немецким банком.

Московский договор открывал ФРГ дорогу не только на советский, но и на восточноевропейские рынки. Этот подход был зафиксирован на встрече министра иностранных дел А.А. Громыко со своим коллегой из ФРГ В. Шее-лем: «При подписании Московского договора обе стороны выразили намерение рассматривать его как единое целое с подобными договорами, которые должны быть заключены между ФРГ и соответственно ПНР, ГДР и ЧССР» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 686, л. 126]. Спустя год советский министр оценивал его как «важный стабилизирующий фактор в Европе, реальность, с которой не могут не считаться даже его противники» [РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 570, л. 135].

Все понимали, что за мощным экономическим контекстом договора скрываются не менее серьезные политические мотивы. По оценкам аналитиков ЦК КПСС, правительство В. Брандта пошло на его подписание из-за «кризиса доверия» между США и Западной Европой, вызванного участием США в конфликтах за пределами европейского континента. Хотя Вашингтон был не меньше заинтересован в смягчении ситуации в Европе на фоне урегулирования вьетнамского кризиса и обострения ближневосточного. Кроме того, резкое ухудшение советско-китайских отношений потребовало сбалансированной разрядки напряженности в Европе [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 569, л. 105]. Хотя заинтересованные стороны понимали, что договор 1970 г. не заменит мирного договора между двумя немецкими государствами. Так же как не отменит противостояния двух систем – социалистической и капиталистической [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 574, л. 91].

Французские дипломаты считали Московский договор «стержнем» восточной политики В. Брандта [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 78]. Прогнозируя резкое усиление роли ФРГ в международной жизни, они отмечали, что «Брандт играет ва-банк. Он делает ставку на то, что Советский Союз заинтересован в обеспечении своих тылов и в развитии торговли с Западной Европой, в которой ФРГ в данном случае должна играть роль моста и даже привилегированного партнера» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 79]. В их понимании договор представляет собой «настоящее сепаратное урегулирова-

ние с ФРГ, окончательно освящающее границы двух германских государств и не затрагивающее Западный Берлин» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 80–81].

Успешное подписание Московского договора стало настоящим прорывом в международных отношениях, правовой основой для процесса разрядки напряженности в Европе. В ФРГ по-разному оценивали его перспективы. Крупные профсоюзы (правление ОНП, правление профсоюзов земли Северный Рейн – Вестфалия, профсоюзы металлистов, горняков, печатников) выражали полную поддержку договору и готовили петиции, резолюции рабочих коллективов в адрес бундестага за его ратификацию [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 500, л. 75, 104, 141].

Конечно, за ними стояло руководство СДПГ, опасавшееся, не без оснований, за судьбу договора при его обсуждении в августе 1970 г. в бундестаге. Были попытки убедить депутатов в том, что ратификация договора должна быть тесно связана со статусом Западного Берлина, идти как один пакет [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 574, л. 85].

Процесс нормализации периодически сотрясали конфликтные ситуации. Сложно складывались отношения между профсоюзами ГДР и ФРГ. В Москву летели донесения о том, что «профсоюзы ГДР откровенно ведут линию не на сотрудничество, а на дискредитацию и компрометацию руководства западногерманских профсоюзов, стремятся противопоставить его профсоюзным массам» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 10], «на отдельных западногерманских предприятиях появляются время от времени неофициально представители и делегации профсоюзов из ГДР, которые якобы стремятся настроить членов профсоюзов ФРГ против профлидеров» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 17]. Руководители западногерманских профсоюзов поддерживали тесные контакты с советскими дипломатами, поэтому политические проблемы сразу докладывались в Москву А.Н. Шелепину. Координация шла по вертикали. Наиболее обсуждаемым вопросом с профсоюзными деятелями ФРГ было признание ГДР, установление границы по Одере – Нейсе. Но самым сложным вопросом оставался статус Западного Берлина.

Правовое регулирование и динамика торгово-экономического сотрудничества в 1970–1974 гг.

На фоне напряженных политических диалогов Московский договор стал «мотором» масштабного прагматичного партнерства между ФРГ и СССР. Французские промышленники недаром были обеспокоены тем, что «после заключения договора с СССР западногерманская промышленность оттеснит их на второй план в торговле и экономическом сотрудничестве с СССР» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 86].

В западногерманских деловых кругах активно обсуждались перспективы, которые открылись в связи с его подписанием. Крупные фирмы хотели бы строить предприятия в СССР, чтобы потом сбывать часть продукции на других рынках. Но такое партнерство не предусматривалось советским законодательством. Возникали предложения о совместных проектах в странах «третьего мира» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 85]. Все же германская сторона пыталась продвинуть проекты совместного строительства в Сибири комплексных предприятий по добыче и переработке сырья. Концерны ФРГ испытывали большую потребность в газе, нефти, железной и марганцевой руде, целлюлозе, хлопке и др. Поставки из СССР расценивались как «наиболее безопасный и надежный источник» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 85–86]. Благодаря Московскому договору смягчился режим ввоза в ФРГ советских товаров. В августе 1970 г. правительство ФРГ приняло решение об освобождении импортеров от необходимости получать специальные лицензии на ввоз продукции и сырья из социалистических стран, включая СССР. Реестр составил примерно половину товаров всей западногерманской внешнеторговой номенклатуры [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 82]. Власти опасались, что «западные немцы могут оказаться обойденными французами, японцами, итальянцами и англичанами в развитии торговли с Советским Союзом» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571, л. 229; Оп. 63. Д. 620, л. 81].

Советский экспорт в ФРГ составляли: нефть и нефтепродукты, лесоматериалы и целлюлоза, продовольственные товары, апатитовый концентрат, пушнина, химические продукты, руды, нерудные ископаемые и некоторые другие товары. СССР поставлял из ФРГ морские суда, авиационную технику, металлорежущие станки, электромоторы, подъемно-транспортное оборудование, подшипники, абразивы, наборные строкоотливные машины, бинокли и оптические приборы, медоборудование и другие виды машин и оборудования. Несмотря на рост советского экспорта в ФРГ, его темпы значительно отставали от увеличения закупок в ФРГ. Тогда в СССР не хватало достаточных мощностей для развития сырьевого экспорта, а качество товаров, машин и оборудования не соответствовало требованиям западногерманского рынка [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 83]. Это создавало диспропорцию в импорте-экспорте между двумя странами.

Увеличение объемов поставок благодаря смягчению условий ввоза из СССР в ФРГ, расширение номенклатуры поставок, бурное развитие энергетического проекта «Газ в обмен на трубы» требовали создания еще более благоприятных условий для экономического взаимодействия.

7 июля 1972 г. было подписано Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве, срок действия которого определялся до 31 декабря 1974 г. [Соглашение 1974].

Соответственно уже в мае 1973 г. было подписано новое Соглашение сроком на десять лет, где закреплялись конкретные сферы экономического взаимодействия и благоприятный торговый режим [Соглашение 1975]. По проекту «Газ в обмен на трубы» объем закупаемых труб был увеличен до 2,4 млн т, а объем поставляемого газа – до 120 млрд м³ в расчете на 20 лет.

Следующее соглашение о продаже крупных труб с оплатой их поставками природного газа было заключено в Москве 29 октября 1974 г. Предусматривалось, что фирма «Рургаз АГ» с 1978 г. будет получать 2,5 млрд м³ природного газа ежегодно. Между объединением фирм «Маннесман-Экспорт АГ» и «Тиссен Штальюнион АГ», с одной стороны, и Внешнеэкономическое объединение «Промсырьеимпорт» – с другой, было зафиксировано очередное крупное расширение объема поставляемых в СССР труб до 3,7 млн т. Быстрый рост объемов взаимных поставок ежегодно требовал не только заключения новых двусторонних соглашений, но и значительного увеличения западногерманского кредита. По соглашению 1974 г. он составил 4 млрд марок [Vertrag zwischen 1970].

Динамика правового регулирования экономического сотрудничества свидетельствовала о большой взаимной заинтересованности. Немецкие деловые круги заново открывали для себя ресурсные возможности и объемный рынок СССР. В свою очередь, советская сторона смогла за короткий срок получить доступ к развитым технологиям западного мира, восполнить лакуны в готовой продукции и расширить ассортимент качественных товаров широкого потребления.

Уже в начале 1974 г. было подписано новое Соглашение о долгосрочных перспективах экономического сотрудничества. По сравнению с Соглашением 1973 г. более четко были сформулированы нормы и правила, существенно расширены списки партнерских структур и формы их взаимодействия. В Приложениях к Соглашению были отмечены возможные пути дальнейшего партнерства в сферах химической, машиностроительной, металлургической и дереводобывающей промышленности [Соглашение о долгосрочной перспективе развития 1974].

Обращает внимание, что, как только возникали существенные проблемы, стороны довольно быстро находили оптимальный вариант их решения. Например, так произошло с вопросами авиаперелетов между двумя странами. Коммерческие перелеты получили особые преференции. На определенные товары (горюче-смазочные материалы, продовольствие, алкогольная и табачная продукция и др.) были отменены таможенные пошлины.

В итоге всего за три года был создан и успешно запущен правовой механизм экономического партнерства. Динамика, с которой нарастали торговые обороты и заключались крупные сделки, свидетельствовала о реальном интересе, который испытывали деловые круги обеих стран. Уже в первое десяти-

летие стало очевидным, что обе экономики, несмотря на базовые различия, взаимно дополняют потребности друг друга и могут взаимодействовать с большой выгодой.

С одной стороны, СССР получал доступ к западногерманским технологиям и возможность их применения для собственной промышленности. В СССР не хватало качественных товаров широкого потребления, готовой продукции. Особое значение имело выгодное для советской стороны правовое регулирование экспорта товаров на территорию Западной Германии [Соглашение 1976]. С другой стороны, Бонн добился улучшения условий сотрудничества не только для германского государственного сектора, но и для бизнеса. ФРГ заключила с СССР ряд соглашений на расширение поставок сырьевых и топливных ресурсов, обеспечив бурное развитие своей индустрии надежной энергетической базой. Для ФРГ особое значение имело общее решение, что все соглашения распространяются и на Западный Берлин. Таким образом, открылись возможности обеспечить нужды города на основе взаимного консенсуса.

В 1972 г. значительно увеличился экспорт западногерманского оборудования на автомобильный завод в Тольятти. Началось сотрудничество фирм «Либхер» и «Хеллер» с крупнейшим в Европе заводом грузовых автомобилей «Камаз» [Кремер 1986, с. 151]. СССР принял участие в обновлении стратегического автобана Берлин – Хельмштедт [Фалин 1999, с. 197].

Подтверждением эффективности стали показатели внешнеторгового оборота обеих стран. Если в 1972 г. товарооборот СССР – ФРГ увеличился примерно на четверть по сравнению с 1971 г. и достиг 800 млн марок, то в 1973 г. он составлял уже 1,2 млрд, а в 1974 – 2,2 млрд марок [Кремер 1986, с. 152]. От резкого расширения сотрудничества между СССР и ФРГ частные компании получали высокие прибыли. Немецкие трубные концерны «Phoenix-Rheinruhr», «Krupp», «Mannesmann» значительно увеличили свое производство. Прибыль возросла также у торговых концернов «Verbundnetz AG», «Ruhrgas», «Midal», «Jagal», «Wintershall» [Bleidick 2018].

Финансовое и энергетическое взаимодействие

Результатом сотрудничества стало появление в СССР представительств банков ФРГ, в частности «Дойче банка», открытию которого активно способствовал В.М. Фалин. Кроме того советское посольство в Бонне вело активные переговоры с немецкими предпринимателями в рамках работы специального бюро при посольстве СССР в ФРГ.

Благодаря кредитам и возможности заработать и сэкономить валютные средства, а также путем погашения займов поставками газа была решена проблема строительства советской национальной транспортной энергетической

сети. «Поставки труб фирмами “Маннесман” и “Тиссен” Советскому Союзу будут финансироваться подобно предыдущим поставкам. Банковский консорциум предоставит советским покупателям кредит, который будет дешевле благодаря тому, что группа поставщиков оплачивает разницу между процентной ставкой, устанавливаемой по кредиту, и рыночной процентной ставкой.

Банковский консорциум (Дойче банк, Коммерцбанк, Дрезднер банк и Вестдойче ландесбанк) под руководством Дойче банка предоставит Банку для внешней торговли СССР кредит на сумму 1,5 млрд немецких марок, процентная ставка по которому должна составить только 7% и который должен погашаться до 1984 г. Однако, поскольку банки “ничего не могут дарить”, объединение поставщиков заплатит банкам разницу между фактической процентной ставкой по данному кредиту и рыночной процентной ставкой. Как стало известно, при этом ориентируются на обычные межбанковские процентные ставки по кредитам на три месяца, которые в настоящее время составляют около 12%. Таким образом, около 5% фирмы “Манесман” и “Тиссен” должны оплачивать за свой счет. Однако этот размер может изменяться сообразно колебаниям межбанковской процентной ставки. Но официально не имеется никакого подтверждения, что указанный порядок действует» [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 402. Л. 16].

На фоне успехов в сотрудничестве с Советским Союзом ФРГ активно развивала экономические контакты с другими странами социалистического блока. Так, уже в 1970–1971 гг. на основании положений договоров о нормализации отношений были заключены торговые и экономические договоры с Польшей, Чехословакией, Румынией, Болгарией и Венгрией. После подписания в 1972 г. основополагающего акта с ГДР ФРГ заключила ряд важных в экономическом плане соглашений с ГДР. В 1974 г. был заключен договор с ПНР, в соответствии с которым расширялся список сфер взаимодействия двух держав. В результате стоимость экспорта ФРГ в ПНР в 1970–1974 гг. возросла почти в 5,5 раз, а стоимость импорта – в 2 раза¹.

Вследствие этого значительно вырос товарооборот между ФРГ и странами – членами Организации Варшавского договора. Так, к концу 1971 г. он увеличился более чем в 2,1 раза, а к 1975 г. – в 6,5 раз². Кроме того, именно советско-западногерманские успехи в экономике стали почвой для «второй корзины» СБСЕ.

Торговый оборот ФРГ с соцстранами «развивался более быстрыми темпами, чем внешнеторговый товарооборот ФРГ в целом. Так, например, если общий товарооборот в ФРГ в 1974 г. увеличился на 26,7%, то товарооборот с

---

1. Рассчитано автором по: [Haftendorn 1983, S. 338].

2. Рассчитано по: [Haftendorn 1983, S. 150].

социалистическими странами вырос почти на 40%» [Начальнику Валютно-экономического управления, л. 14]. К 1975 г. ФРГ стала крупнейшим западным торговым партнером социалистических стран. Совместные действия СССР и ФРГ осуществлялись на рынках третьих стран. В особенности это касается торговых отношений с Аргентиной, Исландией, Грецией и другими странами по поставкам оборудования и иным операциям [Haftendorn 1983].

Финансовое сотрудничество

Ежегодное расширение проекта «Газ в обмен на трубы», строительство трубопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» для экспорта советского природного газа создали благоприятные условия для открытия советского банка в ФРГ. «Ост-Вест Хандельсбанк» (в переводе – «Торговый банк Восток – Запад») планировали открыть во Франкфурте-на-Майне, финансовом и банковском центре ФРГ с высокой деловой репутацией во всем мире [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 395, л. 1–2]. Советская банковская система, несмотря на централизацию в рамках общей государственной финансовой политики, все активнее включалась в мировые рынки. Особенно активно советские банкиры действовали на Востоке. В период разрядки открылись широкие возможности для финансовых операций и на Западе [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 395, л. 14–17]. В 1966 г. в Цюрихе был открыт «Восход Хандельсбанк», уставной капитал которого в 1968 г. составлял 20 млн швейцарских франков.

Создание самостоятельного коммерческого банка на территории ФРГ обсуждалось во время визита в Москву в 1970 г. министра финансов и экономики ФРГ Карла Шилле [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 395, л. 8]. Уже в 1971 г. «Ост-Вест Хандельсбанк» был зарегистрирован во Франкфурте-на-Майне. В 1972 г. его уставной капитал составил 20 млн марок ФРГ. Банк возглавил Андрей Ильич Дубонос – старейший советский банкир, имевший богатый опыт работы в Англии, Китае, хорошо знавший европейские деловые круги. Основание банка было сопряжено с разными трудностями, в том числе территориальными. Посольство СССР находилось в Бонне, советское торговое представительство – в Кёльне, Совет центральных банков ФРГ – в Бонне, а Совет директоров – во Франкфурте-на-Майне. Германская банковская комиссия располагалась в Западном Берлине. Многочисленные согласования проходили между всеми этими структурами в разных городах.

Г.А. Титова, в то время заместитель начальника договорно-правового отдела Внешторгбанка, вспоминает, что все крупные коммерческие банки ФРГ отнеслись к советскому финансовому проекту с вниманием и дружелюбием. Руководитель банка земли Гессен, который семь лет провел в советском плену в Сибири, сказал советским банкирам, что уважает русский народ, и встретил со словами: «Вы видите перед собой друга» [Титова 2007, с. 414–415].

«Ост-Вест Хандельсбанк» задумывался как банк универсального типа, основным направлением деятельности которого должно было стать финансирование торговых операций между СССР, социалистическими странами и странами Запада, прежде всего ФРГ. 1 марта 1972 г. в присутствии западно-германских деловых кругов (500 гостей) банк был торжественно открыт. Сумма его баланса равнялась 546 млн марок ФРГ.

Хотя опыт открытия таких банков у советских специалистов уже имелся, не обошлось без скандала. На первых порах им активно помогали Анита Микульски и Йозеф Орглер, занимавшиеся операциями с недвижимостью. Они планировали создать Бриллиантовую биржу в противовес Амстердаму. Сами предложили советской стороне совместно арендовать особняк в деловой части города. Первоначально все уверяли друг друга в вечной дружбе, но только до тех пор, пока не выяснилось, что фирма «Импекс», принадлежавшая А. Микульски, не может вернуть заемные средства, взятые у «Ост-Вест Хандельсбанка» под строительство и оснащение здания Бриллиантовой биржи. Руководство этой фирмы подменило объект залога – драгоценные камни, чем нанесло значительный ущерб создаваемому банку. Потом началась судебная тяжба по условиям аренды, было открыто уголовное дело. В итоге прокуратура г. Франкфурта признала А. Микульски и Й. Орглера виновными в мошенничестве и аферах. А.И. Дубонос перенес инфаркт. Ситуация была сложной. Но немецкие деловые круги отнеслись с пониманием и поддержали советский финансовый проект [Титова 2007, с. 416].

После подписания Соглашения о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества между СССР и ФРГ в 1973 г. банк увеличил свой капитал до 50 млн марок ФРГ. По его подобию в 1973 г. был создан в Австрии «Донау-банк» с уставным капиталом в 100 млн австрийских шиллингов. На следующий год уже заработал «Ист-Вест Юнайтед Банк» в Люксембурге с капиталом 250 млн люксембургских франков.

Несмотря на то, что «Ост-Вест Хандельсбанк» не всегда вел успешную финансовую политику на западных рынках, он был совершенно необходим для создания и обслуживания новых финансовых институтов, которые активно развивались в период разрядки между СССР и ФРГ. Учреждались компании различного профиля, смешанные советско-германские предприятия (или основанные на советские средства): «Русалмаз», «Плодимпекс», «Транснаутик».

Воздушно-транспортное агентство «Транснаутик Аэро ГмбХ» занималось международными грузовыми авиаперевозками. Большой объем советскому товарообороту давали контракты на поставку зерна в СССР. Советские суда, осуществлявшие хлебный импорт, заправлялись и обслуживались в Гамбурге. Из «Транснаутика» осуществлялось регулирование движения и контроль за состоянием всего контейнерного флота Советского Союза за пределами страны. Компания снабжала советские суда топливом, водой и всем необходимым.

Через ее дочернюю компанию «Трансглоб» советская сторона смогла обходить запрет американцев на ввоз в СССР мощной электронной техники – вычислительных машин нового поколения [Титова 2007, с. 57].

За короткое время «Ост-Вест Хандельсбанк» активно начал вести операции с Внешторгбанком, Международным инвестиционным банком, другими учреждениями стран СЭВ и западногерманскими банками. Как впоследствии вспоминал В.В. Геращенко, один из наиболее авторитетных российских банкиров, возглавлявший Центральный банк России, «на него были большие расчеты нашего руководства – тогда как раз проходили огромные проекты, в частности “газ – трубы” для газопровода Уренгой – Помары – Ужгород». Объем операций в 1976 г. превышал 3 млрд марок ФРГ, а объем кредитования составил около 1,3 млрд марок ФРГ. Существенную часть своих платежных операций (по клирингу) с ФРГ восточноевропейские банки, равно как и Внешторгбанк СССР, осуществляли через «Ост-Вест Хандельсбанк» [Титова 2007, с. 87].

Финансовые операции СССР играли заметную роль на финансовых рынках, особенно в секторе экспортных кредитов. Импорт в СССР промышленного оборудования из ФРГ производился с оплатой его стоимости наличными или же за счет кредитов, предоставляемых банками и экспортерами ФРГ. С развитием торговли между СССР и ФРГ все большее значение стала приобретать покупка оборудования в кредит. Проценты по кредитам возрастали и достигли 12–13%. В 1975 г. советские экономисты подсчитали: «В результате переплат по кредиту Советский Союз имеет крупные валютные потери. Переплаты по кредитам ФРГ составляют не менее 10–12% суммы кредита. В абсолютных цифрах это означает, что по кредиту в 1,5 млрд рублей Советский Союз переплачивает 150–180 млн рублей» [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 402, л. 19].

Но другого пути не было. Благодаря кредитам и возможности сэкономить валютные средства через погашение займов поставками газа фактически строилась советская транспортная энергетическая сеть. Газовая и нефтяная отрасли СССР переживали огромный бум, постоянно требовались колоссальные инвестиции. Банковский консорциум («Дойче банк», «Коммерцбанк», «Дрезднер банк» и «Вестдойче ландесбанк») под руководством «Дойче банка» предоставлял советской стороне кредит, по условиям которого группа поставщиков оплачивала разницу между процентной ставкой, устанавливаемой по кредиту, и рыночной процентной ставкой.

Со стороны деловых кругов, представителей правительства и партийных деятелей ФРГ делались прямые заявления о готовности в самой близкой перспективе расширить объем торговли с СССР в 2–3 раза, поставлять в Советский Союз комплектное, самое современное оборудование для фабрик и заводов. В устной форме высказывались идеи о возможности наладить между ФРГ

и СССР обмен научно-техническим опытом вплоть до кооперации по совместной разработке отдельных проектов на основе передовых технологий [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571. Л. 228–229]. Со стороны Дрезденского банка делалось предложение о предоставлении Внешторгбанку СССР долгосрочного кредита для финансирования дальнейшего расширения советско-западногерманской торговли [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571, л. 229]. Но коммерческие предложения нередко наталкивались на политические ограничения.

В советском руководстве опасались изменений в кооперации социалистических стран в рамках СЭВа. С большим вниманием собиралась информация о развитии двусторонних отношений с ФРГ каждой из социалистических стран Восточной Европы. Отдельные контакты без согласования общей линии не приветствовались. Соответственно усиливалось представление о необходимости жесткой координации всех экономических инициатив, исходящих от деловых кругов ФРГ: «Было бы желательным вопросы торгово-экономических отношений с ФРГ решать в комплексе и по предварительному согласованию между социалистическими странами. Представляется целесообразным разработать (возможно, в рамках СЭВа) единую линию социалистических государств в области торгово-экономических связей с ФРГ с тем, чтобы обеспечить максимальную координацию их действий на западногерманском рынке. Это лишило бы Бонн возможности противопоставлять одни соцстраны другим. При этом следовало бы предусмотреть определенное ограничение бесконтрольного роста экономических связей социалистических стран с ФРГ, договорившись, например, об установлении максимально допустимого процента доли ФРГ во внешнеторговом обороте для каждого из членов СЭВ» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571, л. 231].

Конечно, в Москве понимали, что сотрудничество с ФРГ, занимавшей второе место в мире по объему торговли и являвшейся, по сути, третьей индустриальной державой мира, имело большую притягательную силу для восточноевропейских стран. Они испытывали острую потребность в получении кредитов и высокотехнологичном оборудовании. Также в руководстве СССР возрастало осознание острой необходимости сотрудничества с ФРГ для разработки своих огромных потенциальных ресурсов. Взаимная выгода была настолько очевидной, что в первой половине 1970-х годов в Москве и Бонне произошло существенное смягчение политических и военно-стратегических позиций в отношении друг друга [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 567, л. 75].

Вместо заключения

Огромный массив экономических документов в российских архивах еще нуждается в дальнейшей аналитической обработке и осмыслении. Уникальный опыт прагматичного сотрудничества между СССР и ФРГ показывает,

что реальный интерес деловых кругов обеих стран помог преодолеть не только политическое предубеждение и недоверие, но и системные различия. Мотором взаимного сближения стал масштабный энергетический проект. Его компромиссная формула «газ в обмен на трубы» смогла запустить в движение многие механизмы сотрудничества, поскольку соответствовала насущным запросам экономик двух стран. Для высокотехнологичных корпораций ФРГ были необходимы советские поставки нефти и газа, объемный восточноевропейский рынок, нуждавшийся в качественной продукции – от труб и станков до модных изделий. Для СССР открылись огромные возможности в развитии отечественной и зарубежной инфраструктуры в поставках энергоресурсов на Восток и Запад Европы. Не менее важную роль играли западногерманские кредиты, которые использовались для создания внутренней и внешней трубопроводной системы. Отдельными сферами взаимного притяжения стали логистические операции через порт в Гамбурге, финансовые расчеты между новыми советскими банками в Европе и банками ФРГ, а также поставки новейшего оборудования и высоких технологий. Созданная в период разрядки система совместных предприятий логично вписывалась в общий формат советско-западногерманского партнерства.

Высокая степень динамики партнерства в конце 1960-х – первой половине 1970-х годов показывает, что в этот период действительно произошел огромный прорыв не только в двусторонних отношениях между Москвой и Бонном, но и по всей геополитической линии Восток – Запад. Особенно впечатляют быстрые темпы создания правового регулирования, когда одно крупное соглашение следовало сразу за другим, каждый раз существенно расширяя и облегчая возможности партнерства.

Стоит отметить, что основы прагматичного сотрудничества были заложены в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Проекты энергетических поставок уже в 1960-е годы способствовали достаточно быстрому преодолению политической конфронтации между Восточным блоком и Западом. Но только в конце 1960-х – первой половине 1970-х годов движение навстречу друг другу стало набирать невероятно высокие обороты. Однако экономическая динамика была бы невозможна без политического консенсуса в треугольнике СССР – США – ФРГ.

Выстраивание доверительных каналов связи между Москвой и Вашингтоном, Москвой и Бонном способствовало политической стабилизации в Европе и чрезвычайному расширению деловой активности по всем линиям Восток – Запад. Если в советско-американских отношениях обмен мнениями осуществлялся по формальным и личным дипломатическим каналам, то в отношениях между СССР и ФРГ особое значение приобрели профсоюзные связи. Профсоюзы ФРГ, тесно связанные с Социал-демократической партией, сыграли роль своеобразного буфера в политических отношениях Москвы и

Бонна. Через них развивались общественные контакты и происходил интенсивный обмен мнениями по актуальным вопросам с советской стороны.

Однако не стоит идеализировать общую картину разрядки, поскольку заинтересованные стороны сохраняли недоверие друг к другу и внутреннюю дистанцию, стремясь обезопасить свои стратегические позиции.

Особое значение в развитии экономических процессов разрядки имеют финансовые контакты. За годы этой разрядки создались устойчивые банковские платформы, на которых выстраивалось мощное взаимовыгодное сотрудничество. Банковский фактор – еще одно убедительное свидетельство острой заинтересованности друг в друге. Советская система, несмотря на все ограничения, постепенно встраивалась в мировые финансовые рынки, расширяя сферы деятельности, особенно в закупках импортного оборудования и взаимных расчетах в торгово-финансовых операциях.

Таким образом, за сравнительно небольшой период – конец 1950-х первая половина 1970-х годов – отношения СССР и ФРГ вышли на качественно новый уровень. Обе страны осознавали свою ответственность за стабилизацию отношений в Европе, испытывали серьезные потребности в ресурсах друг друга и в то же время глубокое недоверие, иногда доходящее до враждебности. Примерно до середины 1960-х годов груз нерешенных политических вопросов, обусловленных прежде всего статусом Западного Берлина и признанием ГДР, не давал возможности продвинуть прагматичные интересы на ту глубину, которая была необходима экономикам двух стран. Но движение навстречу друг другу уже началось по инициативе канцлера К. Аденауэра и было поддержано впоследствии канцлерами Л. Эрхардом и К.Г. Кизингером. Несмотря на то, что циклы взаимного притяжения чередовались с периодами отторжения и резкого политического похолодания, это движение вперед продолжалось. Прежде всего потому, что деловые круги СССР и ФРГ четко осознавали и продвигали свои экономические интересы. Смена внешнеполитического курса новой администрации президента США Р. Никсона стала важным фактором развития отношений СССР и ФРГ. «Восточная политика» канцлера В. Брандта, равно как и политика разрядки Л. Брежнева создали новую экономическую и политическую реальность в Европе. Реальность взаимовыгодного сотрудничества и преодоления на этой основе сложных политических проблем ради устойчивого развития Европы.

Библиография

- Абрасимов П.А. 300 метров от Бранденбургских ворот. Взгляд сквозь годы. М.: Политиздат, 1983. 352 с.
- Ахтамзян А.А. Германия и Россия на рубеже веков. М.: МГИМО, 2010. 162 с.
- Брандт В. Воспоминания. М.: Новости, 1991. 526 с.
- Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. 332 с.

- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5451. Оп. 52. Д. 813.
- ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–1.
- ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–15.
- ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–2.
- ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–21.
- ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–5.
- ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496.
- ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499.
- ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 500.
- Громько А.А. Памятное. М.: Издательство политической литературы, 1990. Кн.1. 512 с.
- Громько А.А. Памятное. М.: Издательство политической литературы, 1990 а. Кн. 2. 559 с.
- История Германии. М.: Книжный дом «Университет», 2008. Т. 2. 672 с.
- Истягин Л. Германия и Россия на исторической развилке // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. С. 116–120.
- Кремер И.С. ФРГ: этапы «восточной политики». М.: Международные отношения, 1986. 224 с.
- Крылов С.Б. Главный внешнеэкономический партнер России: (об экономическом сотрудничестве России и Германии) // Международная жизнь. 2002. № 8. С. 42–44.
- Максимычев И.Ф. Место ГДР в истории XX в.: восстановление российско-германских отношений // Россия XXI. 2014. № 5. С. 22–41.
- Максимычев И.Ф. Россия и Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М.: Книжный мир, 2014а. 512 с.
- Новиков А.А., Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М.: ЗАО «Московские учебники – СиДиПресс», 2005. 606 с.
- Павлов Н.В. Архитектор Московского договора // «Война между государствами – великое зло». К 110-летию А.А. Громько. М.: Весь мир; 2019. С. 256–267.
- Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012. 800 с.
- Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. 704 с.
- РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 3. Оп. 72. Д. 304.
- РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 387.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 669.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 415.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571.
- РГАНИ. Ф. 5. оп. 62. Д. 567.
- РГАНИ. Ф. 5. оп. 62. Д. 568.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 569.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 574.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 685.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 686.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620.
- РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 570.
- РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 2324. Оп. 34. Д. 395.
- РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 402.
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1967–1976. Вып. XXII–XXX.
- Смирнов С.В. У истоков российско-германского энергетического взаимодействия // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (7). С. 193–201.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976. Сборник документов. М.: Министерство иностранных дел РФ – Государственный департамент США, 2007. Т. 1. 1969 – май 1972. Кн. 1: 1969–1971. 726 с.

Соглашение между Правительством СССР и Правительством ФРГ о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества от 19.05.1973 // Сборник действующих соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1975. Вып. XXIX: договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1973 г. С. 226–228.

Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германия от 05.07.1972 // Сборник действующих, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1974. Вып. XXVIII: договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1972 г. С. 199–201.

Соглашение о долгосрочной перспективе развития взаимного экономического, промышленного и технического сотрудничества между СССР и ФРГ от 18.01.1974 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1976. Вып. XXX: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1974 г. С. 219–221.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 1999. 465 с.

Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1993. 240 с.

Филитов А.М. Треугольник Москва – Берлин – Бонн и политика европейской разрядки в 1969–1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 83–96.

Haftendorn H. Sicherheit und Entspannung. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. 1955–1982. Baden-Baden, 1983. 767 S.

Loth W. Die Rettung der Welt. Entspannungspolitik im Kalten Krieg. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2016. 375 S.

Mökli D. European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2009. 488 p.

Niedhart G. Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975. München: De Gruyter Oldenbourg, 2014. 131 S.

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Volksrepublik Polen über die Grundlagen der Normalisierung ihrer gegenseitigen Beziehungen vom 7. Dezember 1970. URL: http://www.1000dokumente.de/pdf/dok_0246_war_de.pdf (дата обращения: 19.11.2020).

References

Abrasimov P.A. 300 metrov ot Brandenburgskix vorot. Vzgljad skvoz' gody' [300 meters from the Brandenburg Gate. A look through the years]. Moscow: Politizdat, 1983. 352 p. (In Russ.)

Axtamzyan A.A. Germaniya i Rossiya na rubezhe vekov [Germany and Russia at the turn of the century]. Moscow, 2010. 162 p. (In Russ.)

Brandt V. Vospominaniya [Memories]. Moscow: Novosti, 1991. 526 p. (In Russ.)

Falin V.M. Bez skidok na obstoyatel'stva. Politicheskie vospominaniya [No discounts for circumstances. Political memories]. Moscow: Centrpoligraf, 1999. 465 p. (In Russ.)

Filitov A.M. Germanskij vopros: ot raskola k ob`edineniyu. Novoe prochtenie [The German question: from split to unification. New reading]. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1993. 240 p. (In Russ.)

Filitov A.M. Treugol'nik Moskva – Berlin – Bonn i politika evropejskoj razryadki v 1969–1970 gg. [Triangle Moscow – Berlin – Bonn and the policy of European detente in 1969–1970]. *Voprosy istorii*. 2017. N 1. P. 83–96. (In Russ.)

GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]). F. 5451. Op. 52. D. 813. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–1. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–15. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–15. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–2. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–21. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–5. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 72. D. 496. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 72. D. 499. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 72. D. 500. (In Russ.)

Gromy'ko A.A. Pamyatnoe [Memorable]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1990. Vol. 1. 512 p. (In Russ.)

Gromy'ko A.A. Pamyatnoe [Memorable]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1990 a. Vol. 2. 559 p. (In Russ.)

Haftendorn H. Sicherheit und Entspannung. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. 1955–1982. Baden-Baden, 1983. 767 S.

Istoriya Germanii. [History of Germany]. Moscow: Knizhny'j dom «Universitet», 2008. Vol. 2. 672 p. (In Russ.)

Istyagin L. Germaniya i Rossiya na istoricheskoy razvilke [Germany and Russia at a historical fork]. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*. 2002. N 4. P. 116–120. (In Russ.)

Kremer I.S. FRG: e'tapy' «vostochnoj politiki» [Germany: stages of «Eastern policy»]. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1986. 224 p. (In Russ.)

Kry'lov S.B. Glavny'j vneshnee'konomicheskij partner Rossii: (ob e'kon. sotrudnichestve Rossii i Germanii) [The main foreign economic partner of Russia: (about economic cooperation between Russia and Germany)]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2002. N 8. P. 42–47. (In Russ.)

Loth W. Die Rettung der Welt. Entspannungspolitik im Kalten Krieg. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2016. 375 S.

Maksimy'chev I.F. Mesto GDR v istorii XX v.: vosstanovlenie rossijsko-germanskix otnoshenij [The place of the GDR in the history of the twentieth century: the restoration of Russian-German relations]. *Russia XXI*. 2014. N 5. P. 22–41. (In Russ.)

Maksimy'chev I.F. Rossiya i Germaniya. Vojna i mir. Ot mirovy'x vojn k evropejskoj bezopasnosti [Russia and Germany. War and Peace. From World Wars to European Security]. Moscow: Knizhny'j mir, 2014. 510 p. (In Russ.)

Mökli D. European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2009. 488 p.

Niedhart G. Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975. München: De Gruyter Oldenbourg, 2014. 131 S.

Novikov A.A., Pavlov N.V. Vneshnyaya politika FRG ot Adenauera do Shryodera [Foreign policy of Germany from Adenauer to Schröder]. Moscow: ZAO «Moskovskie uchebniki – SiDiPress», 2005. 609 p. (In Russ.)

Patrushev A.I. Germanskaya istoriya: cherez ternii dvux ty'syacheletij [German history: through the thorns of two millennia]. Moscow: Izdatel'skij dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2007. 708 p. (In Russ.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Pavlov N.V. Arhitektor Moskovskogo dogovora [Architect of the Moscow Treaty]. «Vojna mezhdru gosudarstvami – velikoe zlo». K 110-letiyu A.A. Gromy'ko. Moscow: Ves' mir; 2019. P. 256–267. (In Russ.)

Pavlov N.V. Istoriya vneshnej politiki Germanii ot Bismarka do Merkel': Ucheb. posobie [History of German foreign policy from Bismarck to Merkel: textbook. allowance]. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2012. 800 p. (In Russ.)

RGAE (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki [Russian State Archives of Economics]). F. 2324. Op. 34. D. 395. (In Russ.)

RGAE. F. 2324. Op. 34. D. 402. (In Russ.)

RGANI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii [Russian State Archive of Modern History]). F. 3. Op. 72. D. 304. (In Russ.)

RGANI. F. 3. Op. 72. D. 387. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 50. D. 669. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 61. D. 415. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 61. D. 571. (In Russ.)

RGANI. F. 5. op. 62. D. 567. (In Russ.)

RGANI. F. 5. op. 62. D. 568. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 62. D. 569. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 62. D. 574. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 62. D. 685. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 62. D. 686. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 63. D. 620. (In Russ.)

RGANI. F. 80. Op. 1. D. 570. (In Russ.)

Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny'x SSSR s inostranny'mi gosudarstvami. Vy'p. XXII–XXX [Collection of treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states]. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1967–1976. Iss. XXII–XXX. (In Russ.)

Smirnov S.V. U istokov rossijsko-germanskogo e'nergeticheskogo vzaimodejstviya [At the origins of Russian-German energy cooperation]. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2011. N 2 (7). P. 193–201. (In Russ.)

Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom SSSR i Pravitel'stvom FRG o razvitii e'konomicheskogo, promy'shlennogo i texnicheskogo sotrudnichestva ot 19.05.1973 [Agreement between the Government of the USSR and the Government of the Federal Republic of Germany on the development of economic, industrial and technical cooperation from 19.05.1973]. Sbornik dejstvuyushhix soglashenij i konvencij, zaklyuchenny'x SSSR s inostranny'mi gosudarstvami. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1975. Iss. XXIX: dogovory', soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 yanvarya i 31 dekabrya 1973 g. P. 226–228. (In Russ.)

Soglasenie mezhdru Soyuzom Sovetskix Socialisticheskix Respublik i Federativnoj Respublikoj Germaniya ot 05.07.1972 [Agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and the Federal Republic of Germany from 05.07.1972]. Sbornik dejstvuyushhix, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny'x SSSR s inostranny'mi gosudarstvami. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1974. Iss. XXVIII: dogovory', soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 yanvarya i 31 dekabrya 1972 g. P. 199–201. (In Russ.)

Soglasenie o dolgosrochnoj perspektive razvitija vzaimnogo jekonomicheskogo, promy'shlennogo i tehnicheskogo sotrudnichestva mezhdru SSSR i FRG ot 18.01.1974 [Agreement on the long-term development of mutual economic, industrial and technical cooperation between the USSR and Germany of 18.01.1974]. Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny'x SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1976. Iss. XXX:

Dejstvujushhie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 janvarja i 31 dekabrja 1974 g. P. 219–221. (In Russ.)

Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. Gody` razryadki 1969–1976 [Soviet-American relations. The years of detente 1969–1976]. Sbornik dokumentov. Moscow: Ministerstvo inostranny`x del RF – Gosudarstvenny`j departament SShA, 2007. Vol. 1. 1969 – may 1972. Iss. 1: 1969–1971. 752 p. (In Russ.)

Vatlin A. Yu. Germaniya v XX veke [Germany in the XX century]. Moscow: ROSSPE'N, 2002. 332 p. (In Russ.)

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Volksrepublik Polen über die Grundlagen der Normalisierung ihrer gegenseitigen Beziehungen vom 7. Dezember 1970. URL: http://www.1000dokumente.de/pdf/dok_0246_war_de.pdf (date of access: 19.11.2020.)